

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

«НИТОЧКА ВЕЧНОСТИ»

Елена Евгеньевна Пиетилияйнен родилась в городе Подпорожье Ленинградской области. Окончила Петрозаводский государственный университет, работала учителем словесником в сельской школе, возглавляла Центр развития образования Петрозаводска. Автор четырёх поэтических книг, двух книг для детей, стихи публиковались в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», в «Литературной газете», сборниках и альманахах. Лауреат международных поэтических конкурсов «Золотое перо» (2009), им. Николая Рубцова «Звезда полей» (2011), «Душа и слово» (2011). Ныне – главный редактор литературного журнала «Север». Председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России, координатор международной ассоциации писателей и публицистов Карелии. Живёт в Петрозаводске.

РУСЬ

Утром сонные осины
Ветви моют в облаках.
Меня в детстве Русь носила
На берёзовых руках.
Убаюкивала ветром,
Песней самую простой.
Обливала лунным светом,
Как колодезной водой.
И, орган грозы настроив,
Тишину-покой поправ,
Укрепляла дух настоем
Из огня и росных трав.
А когда душа приникла
В тихой горечи к полям,
Утощала земляникой
Солнечных своих полян.
И утраивались силы,
Восставал бунтарский нрав!
Но лицом в подол России
Из душистых тёплых трав
Я в отчаянье безмерном
Упаду ещё не раз,
Сохранив святую веру
В Бога. В Родину. И в нас.

* * *

Я смерти не боюсь.
 Ведь нет её,
 Пока горит негаснущее слово,
 И сердце балансирует моё
 На хрупкой грани доброго
 и злого.
 Я не погибну даже и когда
 Сквозь слой событий
 просочится старость.
 Меня задушит липкая усталость,
 А не инфаркт, морщины
 и года.
 И будет речь бездарна и суха,
 Утрата слов — как жизнь —
 невосполнима.
 И не извлечь мне колдовства стиха
 Из загнанной души своей
 ранимой.
 И вот тогда я знаю, что умру,
 Хоть будет биться жадное сознание.
 Но кто же я? Былинка на ветру,
 Чужое откровенье и признание?

* * *

Я о жизни судить не берусь —
 Зелье горькое кажется
 в сладость.
 Наизнанку бы вывернуть грусть —
 Облачиться в линялую радость.
 Что кочевников гонит в путь —
 Ненасытность бездомною волей
 Или бегство от нежных пут
 Очага и воскресных застолий?
 Убивает и слово, и взгляд —
 Рана не истекает кровью.
 И смертельный змеиный яд
 Возвращает больным здоровье.
 Я о жизни судить не берусь —
 Без добра не бывает худа.
 И уйдя навсегда, вернусь
 Из непознанного ниоткуда.

* * *

Замшелый ствол стареющей ольхи
 Уже не даст упругого побега...
 Что ход времён? Декабрь —
 и тот без снега!
 Пусть вопреки, но — пишутся
 стихи!

И по стеклу сползает талый день —
 Зимой-старухой скупой
 проронённый,
 Но жив очаг, Россией сохранённый.
 Он дышит сладким дымом
 деревень.

Ещё мерцает Божия искра,
 Слова набухли, как весной почки.
 И даже там, где высохла кора,
 Язык зелёный высунут листочки...

* * *

От старых друзей — ни звонков
 и ни писем.
 Закуталась в дождь безнадежная
 осень.

От воспоминаний
 мы странно зависим —
 Как талисманы, с собою их носим.
 А мой талисман, как розинка, —
 бесцветен,
 В нём что-то вздрогнет и сгинет
 из виду.
 Выскоблит ветви начисто ветер,
 Как время выскабливает обиду.
 Спутаны дни, словно чёрные карты,
 От несовпадения дат и пророчеств.
 Я выдыхаюсь у линии старта.
 Ночи — длиннее, надежды —
 короче.

Но и с надеждами — неотвратимости
 Ещё предстоящих падений, ушибов.
 И как наказание — непоправимость
 Уже состоявшихся слов и ошибок.

* * *

Среди отживших век вещей
Найдётся чей-нибудь подарок.
Среди рождественских свечей
Ютится сморщенный огарок.
Среди торжественных тирад
Молчанье скорби незаметно.
И среди доблестных наград
Есть присуждённые посмертно.
Среди измученных бродяг,
Мечтающих от жизни скрыться,
В потёртых сношенных лаптях
Тоскует странствующий рыцарь.
И смысла целостности нет
В разбитом на осколки мире.
Он — как забытый кем-то свет
В остывшей нежилой квартире.

* * *

Укрощение ветра
Бьётся в судорогах ветер,
Мечется пугливой ланью.

День безвкусен и бесцветен,
Как вчерашнее желанье.
И сердцебиенье — реже,
Частотой прибою вторя.
Скользкой бритвой берег режет
Кромка будничного моря.
Но и эта боль бескровна —
Лезвие покрылось пеной.
Откровение нескромно,
Но застенчива измена.
Перепутан чёрный с белым,
Подлинник — с его подделкой.
И луна сочится спелым
Яблоком в морской тарелке.
Где — небесное светило?
Где — всего лишь отраженье?
И волна, лишившись силы,
Улеглась в изнеможенье.
Навалился грудью вечер,
Темнотою смял ромашки.
И затих безвольно ветер,
Как в смирительной рубашке.

Эдуард АНАШКИН

«В РАЗНОТРАВЬЕ РОМАШКОЙ-ЖЕНЩИНОЙ НА РАЗДОЛЬЕ РУСИ ЦВЕСТИ...»

Редкая женщина в наше непростое для литературы время способна успешно и гармонично существовать на литературном поле сразу в нескольких ипостасях. Для начала — главного редактора одного из самых уважаемых журналов России. Речь о журнале «Север», который в своё время дал творческую путёвку в жизнь лучшим писателям страны. При этом быть руководителем одной из крупнейших и ведущих в творческом отношении региональных республиканских писательских организаций. Речь о Карельском республиканском отделении Союза писателей России. И что, конечно, основное: быть при всём том совершенно неповторимой и самобытнейшей поэтессой современной России. Ну а если ко всему сказанному выше приплюсовать звание кандидата педагогических наук и полученное в 1996 году звание «Учитель года России» вкупе с премией Президента Российской Федерации в области образования и науки, то можно смело сказать — это всё о ней. О Елене Евгеньевне Пиетиляйнен. С творчеством этой поэтессы читающая Россия знакома. Я не исключение. А вот возможность личного знакомства с Еленой Евгеньевной дал мне Всемирный Русский Народный Собор в Москве осенью 2012 года. Будучи

участниками этого Собора, мы, писатели из разных регионов России, жили и столовались в Доме творчества Переделкино. Да не осудит меня читатель за столь немодный ныне пафос, но возможность встречи и знакомства со многими писателями и выдающимися людьми России мне всё-таки была ниспослана свыше, и Всемирный Русский Народный Собор воплотил эту ниспосланность в явь. Знакомство с Еленой Пиетиляйнен тоже считаю одной из наград за нелёгкую нашу жизнь — по большинству проходящую в неизбежной и всё побеждающей спешке и суете. По счастью, и в этой жизни, не часто, но бывают встречи неспешные и разговоры несуетные.

*Я остаться хочу неузнанной
В этой шумной чужой толпе.
Не желая её быть узницей
И на бис, надрываясь, петь.
Мне остаться бы*
незамеченной,
Сохранив свой неброский
стиль.
В разнотравье
ромашкой-женщиной
На раздолье Руси цвести...

Как всегда, когда ощущаешь духовное родство с человеком,

невольно ищешь житейские и жизненные точки соприкосновения судеб. Вот и у нас с героиней моего повествования немало общего. Мы и писатели, мы и педагоги.

Стихи Елена Пиетиляйнен начала писать, ещё будучи школьницей. Вот как она мне рассказала о своих творческих истоках, что берут начало в русском поэтическом мелосе — столь народном, русском, корневом, что вкупе с экзотической иностранной фамилией Елены Евгеньевны особенно колоритно. «Я очень любила слушать притчи, сказания, сказки своей прабабушки Степаниды Максимовны. Это она привила мне любовь к стихам. А затем я очень много читала, хотя семья у нас была чисто технарская...» Да, видимо, родители Елены были из того поколения, в бытность которого говорилось: «Что-то физики в почёте, что-то лирики не в моде». Но всегда, во всяком случае очень часто, да что там — искони, в России будущих писателей воспитывали и воспитывают именно бабушки. Своими народными сказаниями они дают будущим словотворцам ту почву, на которой только и может произрастать настоящая литература. Практически у каждого из тех, кто берётся за перо, была своя Арина Родионовна. В случае с Еленой Пиетиляйнен Арину Родионовну звали Степанида Максимовна... Не оттуда ли, из этого родникового народного детства, Елена Пиетиляйнен берёт... нет, даже не свои лучшие строчки, а нечто большее, что живёт помимо строчек, — ощущение кровного родства с окружающим миром:

*Протяни мне утром руку,
Обласкай словечком тайным.
За окном сосна-подруга
Обросла синичьей стаяей.
Ветви к небесам воздела
И смакует щебет птичий.
Ей до нас какое дело?
Наши тайны не постичь ей.
Любопытный клён пригнулся —
Ветви жадно тянет к окнам.
Ветер в море окунулся
И теперь висит, намокнув,
На вздыхающих деревьях
Провинившимся скитальцем.
Ёлочки резные перья
Нежно колют мои пальцы...*

Это не взгляд постороннего заочного или заезжего человека, созерцательно и отрешённо констатирующего окружающую действительность. Взгляд Елены Пиетиляйнен — это родной взгляд на родное, напрочь чуждый отрешённости и равнодушия. Это непосредственное соприкосновение со всем, будь то сосна, птичья стая, мухомор, колючая ёлка... Лирическая героиня Елены Пиетиляйнен настолько любит жизнь, что ей мало просто созерцать и она, не боясь уколоться об острые родственные шипы, ищет соприкосновения с родным, с жизнью. И это очень выгодно выделяет стихи Пиетиляйнен из ряда многих надменных к жизни поэтесс.

В 1991 году Московский литературный институт проводил поэтический конкурс «Глагол», и Елена Евгеньевна приняла участие в этом конкурсе. По итогам конкурса был издан сборник, в который были включены и её стихи. Именно с этого момента героиня моего повествова-

ния, по её собственному признанию, и ощутила себя поэтом. А ныне Елена Пиетилайнен лауреат международных поэтических конкурсов, автор поэтических книг «Оттаявший свет», «Время дождей», «Предошущение», книги рассказов для детей «Большими шагами», книги стихов для детей «Кто живёт в лесу и в доме?»... Одну из своих детских книжек она попыталась мне подарить, когда мы ехали на электричке из Переделкино в Москву. Попытка сделать подарок оказалась неудачной. Неудачной — для меня, но не для книги! Наша случайная попутчица, увидев в руках у Елены Евгеньевны детскую книжку, оживилась и стала настойчиво просить продать ей книгу для маленького внука... Вздохнув и посмотрев на меня извиняющимся взглядом, Елена подарила книгу попутчице. Ну а мне оставалось только ответить вздохом сожаления да поразмышлять на тему, сколь важна роль детской литературы для общества и государства в целом. Сколь важна, столь же ныне и недооценена. Ибо при всём моём уважении с произведениям Чуковского и Барто, потребность в новых книгах для детей, написанных писателями других поколений, не исчезает.

Елена Евгеньевна живёт в далёкой от Поволжья Карелии, где я никогда не был. Но, читая стихи Пиетилайнен, словно совершаю творческую командировку:

*Осень поздняя. Подморозило.
Ветерком опоясан день.
И полощет Онего-озеро
Облака в ледяной воде.
Тянет ветви ко мне простительно
Приунывший затихший бор.*

*Под моею ногой пронзительно
Хрустнул первым ледком
мухомор.
Краснобокий блестит
осколочек,
Белой крапункой вверх глядит.
Словно шарик разбился
ёлочный,
И снежинка уже летит...*

Да! «Широка страна моя родная...». А с тех пор, как мы, брошенные государством на произвол рыночного выживания писатели, практически лишились возможности творческих командировок — наша страна кажется нам ещё более «широкой». Спасибо хоть книги как-то помогают нам ощущать нашу страну родной. Так в своё время в моей библиотеке появилось уникальное издание — прекрасно оформленная книга, выпущенная Ленинградским отделением издательства «Художественная литература». Это книга карело-финского народного эпоса Калевала. Читая её, очень живо узнаёшь и обычаи, и природу, и нравы населяющих Карельскую землю народов. А ещё приходит на ум прекрасная лирическая песня времён моей юности: «Долго будет Карелия сниться, будут сниться с этих пор остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озёр...» Про голубые глаза-озёра невольно вспомнил, глядя на Пиетилайнен! Голубоглазая поэтесса, живущая в краю голубых озёр!

*Вновь с разбега — в янтарную
Ладогу!
Словно конь молодой, ретивый,
Запряжённый в хрустальную
радугу,
Машет август сосновой гривой.*

*Увези меня в грёзы летние,
Увези меня в воспоминания.
Бубенцами звенят последние
И надежды, и ожидания.
Вечной молодости напиток бы
Из кипящей прибором Ладоги.
Торопливо стучит копытцами —
Летним ливнем — мой конь
под радугой...*

Невозможно поверить, что эта молодая красивая поэтесса — уже бабушка, ищущая в любую редкую свободную минуту общий язык со своей полуторагодовой внучкой Юлианной! Кто знает, может в её лице мы увидим будущую писательницу, ведь в своё время и для Елены Евгеньевны стало судьбоносным общение с бабушкой, носительницей народного мелоса...

*Поздно уже, так поздно...
Город, вздыхая, спит.
Скользят, чуть мигая, звёзды
По лентам своих орбит.
Поздно уже... Наверно,
Ты видишь седьмые сны.
Спи, мой ребёнок первый,
Мой ясноглазый сын.
Тебя я давно качала —
Вырос из маминых рук.
Начать бы опять сначала!
Пусть только родится внук.*

Как видим, пока пророчество и предощущение внука для Елены Евгеньевны не сбылись, но, как говорится, ещё не вечер...

Как уже говорил выше, быть обладателем детской книги Пиетиляйнен я не сподобился: увели её у меня из-под носа более проворные читатели. А вот новую, ещё пахнущую

типографской краской, Елена мне подарила. Это книга лирических стихов «Ниточка вечности»... Грустное щемящее название! С одной стороны — вечность, что-то огромное, фундаментальное, что даже ум человеческий не в силах охватить. С другой — тонкая и такая уязвимая ниточка, что связывает нас с вечностью, родной, предками, с жизнью... Сила и хрупкость одновременно. Именно сила и хрупкость так странно сочетаются и в авторе книги. Спросил у Елены Евгеньевны: «Как всё успеваете?...» Улыбнулась: «Я дочь Карелии...» И, видимо, поняв, что такое объяснение слишком простое и слишком сложное одновременно, добавила чуток житейщины: «Спорт помогает, зимой хожу на лыжах, летом много плаваю...» А я бы добавил сюда и ту любовь к жизни, то ощущение юношеской полноты бытия, которыми пронизаны стихи Пиетиляйнен — практически все, даже ностальгические. И в этом вся она, голубоглазой Карелии голубоглазая дочь:

*С годами мы лишь моложе.
И ценится больше вкус
Жизни. Но дом мой сложен —
Темнеет от срока брус.
В сеточке трещин печка —
Словно в морщинках лицо.
Так хочется выйти беспечно
Босой на сырое крыльцо.
И, не успев одеться,
Отважно грозить грозе.
Переглянувшись с детством,
Вприпрыжку бежать по росе.*

Самарская область